

УДК 902.01

С.Н. Кореньюк, М.Л. Перескоков

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА МЕДВЕДЯ «В ЖЕРТВЕННОЙ ПОЗЕ» В ИСКУССТВЕ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОГО ПРИУРАЛЬЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Анализируется эволюция иконографии одного из ключевых образов в искусстве населения Западного Приуралья в раннем железном веке и средневековье – образа медведя «в жертвенной позе». Рассматривается влияние на формирование приуральской иконографии скифо-сарматского и савроматского звериных стилей в ананьинское время. В этот период формируются основные иконографические типы образа медведя, которые продолжают развиваться в течение гляденовско-пьяноборского времени и в эпоху раннего средневековья. Дальнейшее изменение стилистики образа связано с развитием и эволюцией социально-экономического устройства и религиозных представлений предков современных пермских народов.

Ключевые слова: иконография, стилистика, ранний железный век, раннее средневековье, Западное Приуралье.

Образы хищных животных (медведя, волка, дикой собаки, пушных), начиная с самого периода зарождения искусства звериного стиля, играли важную роль. Изображение хищного зверя получило широкое распространение на территории Приуралья. Особенно популярным среди них стал сюжет медведя «в жертвенной позе» (верхняя часть туловища до пояса – голова и передние лапы), который часто привлекал внимание исследователей как Приуралья, так и Западной Сибири. В данном случае под «медведем в жертвенной позе» во избежание путаницы мы имеем в виду именно сюжет в виде головы зверя между двумя лапами. В целом же мы поддерживаем точку зрения ряда исследователей [1. С. 16] о том, что к сюжету «медведь в жертвенной позе» нужно относить также изображение медведя в профиль с опущенной головой и изображение шкуры медведя, которые несут то же символическое значение, что и указанный сюжет. Наиболее подробная подборка изделий с изображением данного образа приведена в работе Ю.П. Чемякина, который датирует его появление рубежом эр, а происхождение связывает с территорией Западной Сибири и угорским миром [2. С. 438]. Новые материалы из памятников Приуралья дают возможность пересмотреть взгляды на происхождение данного иконографического образа.

Наиболее ранней находкой с изображением медведя «в жертвенной позе» является бронзовая пластина, на которой изображены две головы медведя, расположенные мордами в противоположные стороны, находящимися между лап, с могильника Залазная в Оханском Прикамье из раскопок 2012 г. (рис. 1, 1). Могильник датируется XII – началом VII в. до н.э. и относится к ерзовской культуре финальной бронзы и раннему этапу ананьинской культуры. Пластина найдена в пахотном слое и, вероятно,

происходит из распаханного погребения, которое имеет незначительную глубину. Происхождение находки не из закрытого комплекса затрудняет её датировку, но исходя из даты могильника, она датируется не позже VII в. до н.э. То, что это случайно попавшая на могильник вещь более позднего времени, маловероятно, так как техника литья и стилистика изображения близки изображениям из ананьинских памятников. Также важным аргументом в пользу ранней даты находки говорит тот факт, что за все годы раскопок на Залазнинском комплексе памятников (могильник, святилище и два селища) более поздних материалов найдено не было.

Развитие сюжета происходит в позднеананьинское время. Хорошо датированная пластина с данным сюжетом известна в материалах Гляденовского костыща из раскопок 2003–2006 гг., найдена в слое с керамикой V–IV вв. до н.э. (рис. 1, 7). Вероятно, часть блях с этим сюжетом из более ранних раскопок Гляденовского и Юго-Камского костыщ (рис. 1, 3–6, 10) тоже может датироваться ананьинским временем, так как имеет очень близкие стилистику и технологию изготовления. Они все выполнены в технике литья, и имеют псевдовитой орнамент в виде арки и полосы на лбу животного. Само изображение зверя имеет форму пластины, из которой выступают уши. Остальные детали намечены орнаментально. Характерно, что пластина отливается рельефной – морда медведя выпуклая снаружи и вогнутая с обратной стороны, в отличие от залазнинской находки, где внутренняя сторона ровная без выемки, а само изображение более объемно и все детали выражены рельефно. Такое различие в технологическом и стилистическом плане еще раз подтверждает датировку залазнинской находки. Большой интерес представляет находка задней части литейной формы (рис. 1, 2)

Рис. 1. Изображения медведя «в жертвенной позе» в металлопластике Приуралья в раннем железном веке и средневековье – 3–18; 2 – глиняная литейная форма; 1 – могильник Залазная; 2 – половинное I поселение; 3–4, 7–8, 10 – Гляденовское костище; 5–6, 9 – Юго-Камское костище; 12, 18 – коллекция Зеликмана; 13–14 – случайные находки с р. Кын; 15 – Огурдинский могильник; 16 – Городищенское городище; 17 – Деменковский могильник; 19 – Редикарский могильник. Масштаб различен

для отливки пластины с изображением медведя «в жертвенной позе», обнаруженная во время раскопок Н.В. Соболевой на Половинном I поселении в 1985 г. [3]. Форма имеет рельефный выступ в форме головы медведя, который присутствует с задней стороны пластин. Рядом с выступом фиксируются небольшие впадины в форме треугольников, которые являются местом соединения с передней частью формы, и делались отверстия в пластине, разделяющие морду и лапы. Форма была найдена во рву, который, вероятно, строился как оборонительный, но позже, еще во время функционирования памятника, начал постепенно засыпаться бытовым мусором, вероятно, в связи с расширением площадки поселения (городища?), поэтому имеет достаточно четкие планиграфию и стратиграфию. Форма была найдена в комплексе с керамикой, имеющей переходные черты от позднеананьинской к раннегладеновской. Воротничок встречается уже редко, керамика украшена шнуровым орнаментом и различными вдавлениями. Датировать комплекс керамики можно IV–III вв. до н.э. Также рядом была найдена литейная форма для изготовления гофрированной пронизки, характерной для материалов Гладеновского костыща. Пронизки такого типа известны в позднеананьинских (раннекарабызских) могильниках р. Белой, где датируются IV–III вв. до н.э. [4. С. 44–45. Рис. 8]. Таким образом, литейную форму можно датировать IV–III вв. до н.э., что подтверждает предыдущие датировки.

Остальные экземпляры пластин с рассматриваемым сюжетом с Гладеновского костыща украшены несколько по-другому, выполнены из более тонкого металла (техникой штамповки), дополнительные элементы припаяны (?) и относятся уже к развитому гладеново (рис. 1, 8).

Происхождение данного иконографического образа исследователи объясняют по-разному. Так, обращая внимание на аналогии со стилистически близкими изображениями других животных на резных изделиях из кабаньих клыков с левобережья Днепра [5. С. 200–207], Э.В. Яковенко указывает на заимствование кочевниками иконографии и оседлого населения Прикамья. Так или иначе, в формировании стилистики данного сюжета, очевидно влияние степного населения. Мотив протома медведя продолжает развиваться в пьяноборско-гладеновскую эпоху на Средней Каме и в меньшей степени в бассейне р. Белой. Основные сюжеты повторяют образы ананьинских мастеров. Но необходимо отметить, что в эту эпоху орнаментально-схематичный стиль ананьинского времени сменяется реалистической манерой

изображения, стремящейся копировать образы с натуры. Изображения медведя в «жертвенной позе» в гладеновское время известны в материалах Гладеновского и Юго-Камского костыща, Кудашевского могильника. Появляются изображения нескольких (в основном три) медвежьих голов «в жертвенной позе» – известно на бляхе с Юго-Камского костыща (рис. 1, 9). Датировка этих бляшек III–V вв. н.э., предложенная В.А. Обориным, которую П.Ю. Чемякин приводит в качестве аргументации более позднего появления в Прикамье данного сюжета [7], вызывает большие сомнения. Так, мы уже говорили о ранней дате данных блях. Основной же период их бытования связан как раз с ранним этапом гладеновской культуры (II в. до н.э. – III в. н.э.), что не противоречит датировкам А.Ф. Мельничука и А.Н. Лепихина [8]. Для финального периода гладеновской культуры характерны наиболее мелкие бляшки такого вида, известные на Гладеновском костыще, а также в погребениях Кудашевского могильника (раскопки В.А. Бернц), датируемого IV–V вв. н.э. Особенностью финала данного периода стали крупные прямоугольные рельефные бляхи. Часть из них была обнаружена в районе р. Кын Лысьвенского района Пермской области, другие хранились в коллекциях Теплоуховых и Зеликмана (рис. 1, 13–14).

Дальнейшее развитие получает сюжет медведя «в жертвенной позе», изображенный на прямоугольных бляхах. Иногда композицию составляет одна голова зверя, встречается три и более медвежьих морды, расположенные друг над другом (рис. 1, 11–12). Одна из блях из коллекции Теплоуховых представляет сюжет с изображением шести голов медведя «в жертвенной позе» (три из них образуют вертикальный ряд, три других – горизонтальный), отнесенная В.А. Обориным и Г.Н. Чагиным к VI–VII вв. [6]. Для ажурных прямоугольных блях характерно реалистичное изображение: глаза, уши, когти на лапах четко выделены. Причем когти от лап отделены поперечными полосками. Обязателен орнамент, ограничивающий бляхи. Его задача – выделить фигуру медведя и ограничить ее в пространстве. В целом бляшки передают величие и могущество этого хищника. Сюжет медведя в это время распространен на подвесках, накладках, пряжках, браслетах, ножнах, кинжалах, а также домашней утвари – ложках и посуде. Все «медвежьи» изображения близки к натуре. Это выражено в общем облике зверя, реалистичных пропорциях тела, наличии знака пола. Но все же натуралистическая манера изображения имеет порой некоторые обобщения (например, медведь

изображается четырехпалым, когда этот зверь имеет по пять пальцев на лапах). Процесс схематизации сюжетов, усиление роли орнамента продолжают в родановской культуре (IX–XV вв.). Для этого периода характерны практически все сюжетные группы предыдущей ломоватовской культуры.

Дальнейшее распространение получают образы, где медведь входит в состав сложной композиции. В пример можно привести бляху из Городищенского городища – культового центра родановских племен X–XII вв. Это медный антропоморфный идол (XI–XIII вв.) в виде мужской личины, которая увенчана медвежьей шкурой (рис. 1, 16) [9. С. 142–143]. На бляхе показано лицо человека, разделенное на две части выпуклой полосой. Выше головы в такой же технике выполнены полукруглые, сходящиеся к переносице глаза, длинный узкий нос, скулы и рот. Человеческую личину сверху перекрывает фигура медведя «в жертвенной позе». Силуэт зверя входит в состав рамки, ограничивающей основное изображение по краям. Данный идол несомненно является продолжением сюжета, известного с ананьинского времени.

В родановской культуре изображение медведя «в жертвенной позе» переносится на различные категории предметов – шумящие подвески, пряжки, бляшки поясного набора, рукояти металлических ложек (рис. 1, 15–19). Довольно характерным украшением раннего этапа родановской культуры являются шумящие подвески и пряжки с изображением головы медведя, лежащей между лап. Чаще голова медведя располагается дугой и выполняется техникой рельефа. Встречается такой сюжет на раннеродановских могильниках – Урынском, Каневском, Редикорском, Загарском, Мало-Аниковском, Михалевском. Их датируют VIII–X вв. В более поздних родановских памятниках они не встречаются. Подвески и пряжки с изображениями медведя в основном встречаются в северных памятниках родановской культуры.

В период функционирования родановской культуры образ медведя «в жертвенной позе» все больше стилизуется. Черты зверей приобретают простую незамысловатую форму, но при этом обильно украшаются дополнительными элементами – орнаментом, насечками, выпуклинами. В родановское время в некоторых случаях телом зверя уже служит лишь дуга, плавно переходящая в лапы. Между лапами расположена изящная голова медведя с вытянутой мордой. Пасть не экспрессивна, отсутствуют хищные моменты в исполнении. Уши также отсутствуют или показаны круглыми

отверстиями, глаза – точки либо кругляшки. Но в целом при такой довольно сильной схематизации и стилизации образ хорошо узнаваем.

Таким образом, происхождение и иконография сюжета с изображением медведя «в жертвенной позе» в Прикамье связаны с местными культурными и религиозными традициями ананьинского мира, а также образцами степного звериного стиля. Уже в раннеананьинское время (не позднее VII в. до н.э.) сюжет, изображающий медведя «в жертвенной позе», окончательно сформировался, а в позднеананьинское время (V–III в. до н.э.) изделия с данным сюжетом получили широкое распространение на ранних гляденовских кострищах и имели местное производство, поэтому нет оснований считать данный сюжет привнесенным из Западной Сибири. Аналогичные же изображения на восточном склоне Урала датируются только рубежом эр и могут иметь независимое от Прикамья автохтонное происхождение. В то же время появление в Западной Сибири типично прикамских вещей (накладки с орнаментом в виде двух рядов треугольников в могильнике Чепкуль 9 [10]), близость керамики кашинского типа к Прикамской позднеананьинской керамике не дают основания исключать возможность проникновения сюжета медведя «в жертвенной позе» из Прикамья в Зауралье и Западную Сибирь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Липина Л.И. Семантика бронзовых зооморфных украшений прикамского костюма (сер. I тыс. до н.э. – нач. II тыс. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
2. Чемякин Ю.П. Возможные истоки и время бытования металлопластики с изображением медведя «в жертвенной позе» // Тверской археологический сборник. Тверь, 2009. Вып. 7. С. 428–440.
3. Соболева Н.В. Отчет о раскопках Половинного I поселения в Пермском районе Пермской области в августе 1985 г. // Архив КАЭ ПГНИУ.
4. Пишеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа, 1976.
5. Яковенко Э.В. Клыки с зооморфными изображениями // СА. 1969. № 4.
6. Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности рифея. Пермь, 1988.
7. Чемякин Ю.П. Об одном сюжете «пермского звериного стиля» // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Ижевск, 2006. С. 70–75.
8. Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. К проблеме хронологии костяк гляденовской культуры // Полевой симпозиум. Пермь, 1996.
9. Белагин А.М. Раскопки памятников средневековья в Верхнем Прикамье // Археологические открытия 1982 г. М., 1984. С. 141–142.
10. Зах В.А. Комплексы кургана 7 могильника Чепкуль 9 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 9.